
Зарубіжна наука. Міжнародне науково-технічне співробітництво

В.К. Щербин

Социальный капитал белорусской науки и механизмы его наращивания

Рассматриваются механизмы наращивания социального капитала белорусской науки. Анализируются источники и способы его формирования. Делается вывод о том, что без наращивания социального капитала белорусской науки ее дальнейшее развитие является проблематичным.

В последние годы пристальный интерес украинских и белорусских науковедов вызывает проблема наращивания социального капитала отечественной науки. В ряде посвященных данной проблеме научных статей рассмотрены следующие характеристики социального капитала науки: 1) особенности его трансформации в странах с переходной экономикой [1]; 2) взаимосвязь между выполнением наукой своей социокультурной функции и сопутствующей наработкой социального капитала науки [2]; 3) зависимость темпов построения экономики знаний в Республике Беларусь от величины социального капитала отечественной науки [3]; 4) место социального капитала науки среди сопредельных понятий [4]. Кроме того, было дано рабочее определение рассматриваемого концепта: „социальный капитал науки — это тот позитивный символический кредит, та степень доверия и поддержки, которые общество и государство выделяют национальному научному сообществу вследствие активной социализации нарабатываемых им

новейших научных знаний” [5]. В то же время для всесторонней характеристики упомянутого концепта большое значение имеет изучение механизмов наращивания социального капитала науки. В процессе такого изучения должны быть получены ответы на следующие вопросы:

а) Где формируется социальный капитал науки? Иными словами, необходимо определить конкретные области общественной и профессиональной деятельности, в максимальной степени способствующие его наращиванию (его источники).

б) Как формируется социальный капитал науки? Иными словами, должны быть выявлены основные способы его формирования.

На наш взгляд, без всестороннего изучения механизмов наращивания социального капитала белорусской науки ее руководство и члены научного сообщества Беларуси не смогут целенаправленно использовать эти механизмы для увеличения уровня доверия и поддержки, оказываемой отечественной науке

со стороны белорусского общества и государства. Более того, без выявления и использования указанных механизмов даже сама возможность дальнейшего развития отечественной науки в условиях построения социально ориентированной рыночной экономики Беларуси остается под вопросом. Поиску ответов на поставленные выше вопросы и было посвящено проведенное нами исследование, результаты которого излагаются в данной статье.

Где формируется социальный капитал науки?

Говоря об основных источниках социального капитала отечественной науки, следует в первую очередь назвать **саму науку и связанную с результатами ее деятельности позитивную реакцию общества на ту очевидную практическую пользу, которую оно получает благодаря социализации новейших научных результатов и разработок ученых**. К примеру, академики РАН Е.П. Велихов и В.Б. Бетелин следующим образом оценивают многоаспектный вклад науки в развитие современного общества: „Наука является основой нашей цивилизации, ее материальной культуры, одной из опор мировоззрения современного человека и гражданина. С точки зрения материальной культуры, наука — главное достижение человечества: всё, чем мы пользуемся в окружающем материальном мире,— это продукты науки, в той или иной мере базирующиеся на научных и промышленных инновациях последующих десятилетий. Сегодня наука развитых стран составляет неотъемлемую часть единого взаимоувязанного национального комплекса „промышленность — инновации — образование — наука” [6]. Данная оценка вклада науки в развитие современного общества разделяется подавляющим большинством граждан наиболее развитых стран мира, о чем свидетельствуют результаты соответствующих социологических опросов. К примеру, в докладе „Индикаторы науки и техники”,

подготовленном администрацией президента США в 2006 году для представления в Конгресс, приводятся сравнительные данные по итогам социологических опросов населения разных стран мира об отношении к науке: „С утверждением „Наука и технология делают нашу жизнь более здоровой, легкой и комфортабельной” согласились в США 91% респондентов, в Китае и Южной Корее — столько же, в Западной Европе и Японии меньше, в России — только 50%” [7].

К сожалению, не только в России, но и в Беларуси далеко не все граждане имеют адекватное представление о той исключительно важной и многоаспектной роли, которую мировая и отечественная наука играет в улучшении их жизни. Оперативно исправить данный недостаток позволяет всемерное распространение новейших сведений о достижениях ученых, которое осуществляется по двум основным каналам: 1) через национальную систему образования и 2) путем целенаправленной пропаганды и популяризации новейших научных знаний в белорусских СМИ. В частности, если говорить о таком источнике социального капитала науки, как **отечественная система среднего образования**, то многочисленные победы белорусских школьников на престижных международных конкурсах последних лет по различным учебным дисциплинам (информатика, математика, физика, биология, экология, иностранные языки и др.) свидетельствуют о том, что национальная система среднего образования достаточно эффективно выполняет свою социокультурную функцию, способствуя наращиванию научного, человеческого, социального, интеллектуального и иных видов капитала Беларуси. По мнению И.В. Марахиной, именно благодаря хорошей работе различных звеньев (школьного, профессионально-технического, среднего специального и др.) единой образовательной системы „предприятия Республики Беларусь имеют значительные объемы интеллектуального потенциала, воплощен-

ного в высоком уровне образования людей, научных разработок, культурных ценностях. Его использование может в десятки раз превосходить эффективность традиционных ресурсов” [8].

Особенно большую роль в качестве источника социального капитала белорусской науки играет **вузовское образование**. Причем эта роль постоянно растет, поскольку за последние два десятилетия общее количество студентов в вузах Беларуси практически удвоилось. Как свидетельствует В.В. Чет, „в 2004/05 учебном году учебную и научную работу более чем по 200 специальностям проводили 43 государственных вуза (30 университетов, 7 академий, 3 института, 3 высших колледжа; 304337 студентов) и 12 частных (58812 студентов)” [9]. Приведенные количественные данные о вузовском образовании Беларуси как источнике социального капитала науки хорошо коррелируют с оценкой данного источника социального капитала, приведенной в книге известного американского футуролога Ф. Фукуямы: „Профессиональное образование ... является главным источником социального капитала в любом передовом обществе информационного века и обеспечивает основу для децентрализованной, горизонтальной организации” [10].

Постоянно возрастает роль белорусских вузов также в качестве такого источника социального капитала белорусской науки, как **подготовка кадров высшей научной квалификации (докторов наук и кандидатов наук)**. В пользу данного вывода свидетельствуют, к примеру, приводимые академическими социологами сведения о численности аспирантов в различных секторах белорусской науки: „В 2005 г. численность аспирантов в республике составила 5042 человека. Из них 1277 аспирантов (25,3%) обучались в аспирантурах при научных учреждениях, 3765 аспирантов (74,7%) — в аспирантурах при высших учебных заведениях” [11]. Подготовка

докторов наук и кандидатов наук, как в вузах, так и в НИИ Беларуси, имеет едва ли не определяющее значение для нормального развития отечественной науки, поскольку именно кадры высшей научной квалификации являются творческим ядром любого научного коллектива, без которого такой коллектив просто не состоится. О том, что именно вокруг докторов наук и кандидатов наук обычно объединяются первичные научные коллективы, само формирование которых „приобретает важнейшее практическое значение в качестве источника социального капитала” [12] науки, говорит следующее: „как показывают эксперименты, лабораторные группы, составленные из случайных людей, теряют безвозвратно до 80% идей, дальнейшая разработка которых могла бы привести в конечном счете к успешному решению поставленной задачи” [13].

Еще одним источником социального капитала белорусской науки выступают **отечественные СМИ, которые периодически информируют своих читателей о новейших научных результатах, проблемах и достижениях ученых**. На наш взгляд, роль данного источника социального капитала науки могла бы быть намного более весомой, если бы представители СМИ не пытались конкурировать с учеными в точности оценки тех или иных явлений научной жизни, опираясь при этом не на научные факты и методы, а исключительно на свой публицистический дар. Журналистам всегда следует помнить о том, что „публицистика принадлежит своему времени, научные открытия совершаются на все времена” [14] и что „формирование ложных представлений о науке и ученых — фактор, мешающий и развитию науки, и прогрессу общества” [15].

В немалой степени величина социального капитала отечественной науки зависит от наличия у нее соответствующего международного авторитета. Иными словами, еще одним источником соци-

ального капитала науки выступает **признание мировым научным сообществом новейших результатов и достижений белорусских ученых**. Существуют самые разные показатели международного признания достижений ученых той или иной страны (количество полученных ими престижных международных премий и иных научных наград; суммарный индекс цитирования их научных работ; количество полученных международных патентов на 10000 жителей данной страны; количество заключенных научными организациями данной страны международных договоров и соглашений о научно-техническом сотрудничестве; среднегодовое количество международных научных конференций, проводимых в данной стране; общее количество международных научных журналов, издаваемых в данной стране, и др.). Даже простой обзор данных по перечисленным выше показателям занял бы десятки страниц. Поэтому ограничимся рассмотрением данных по такому показателю, как численность белорусских исследователей, работавших за рубежом. В 2007 г. эта численность составила 5319 человек [16] (при общей численности белорусских исследователей в 18995 человек [17]), т.е. практически каждый четвертый белорусский исследователь выезжал в этом году в загранкомандировку, что, безусловно, свидетельствует о высокой степени интегрированности белорусских ученых в процесс реализации международных научных программ и проектов, а следовательно, и о наличии у них высокого международного авторитета.

Однако наиболее значимым источником социального капитала отечественной науки по-прежнему остается **экономическая и политическая поддержка ученых белорусским государством**. Нет необходимости пояснять, что общественный престиж белорусской науки, ее привлекательность как места для трудоустройства молодежи во многом определяются такими прозаическими факторами, как средний уровень заработной

платы ученых, их социальная защищенность, наличие современной материально-технической и приборной базы науки, достаточность ее информационного обеспечения и др. При этом именно от государства, а точнее от органов государственного управления, зависит то, какой объем госбюджетных средств ежегодно будет выделен на науку и какие политико-организационные меры поддержки будут ей оказаны. Если государство финансирует свою национальную науку на среднемировом уровне (наукоемкость ВВП страны при этом колеблется в пределах от 2 до 3%) и оказывает ей всемерную организационную поддержку, то оно способствует развитию своей науки и ее социального капитала. В противном случае при более низких уровнях госбюджетного финансирования национальной науки и ее организационной поддержки „государство может способствовать разрушению социального капитала” [18] науки, а также потере накопленного ею научного знания.

Анализ данных об уровне финансирования постсоветской науки на протяжении последнего десятилетия показывает, что этот уровень намного ниже среднемирового (наукоемкость ВВП стран СНГ колеблется в пределах от 1% и ниже). В частности, об уровне финансирования белорусской науки известно, что „в последнее время правительством выделялись небольшие средства из государственного бюджета (0,7% ВВП) на развитие всей науки” [19]. Чтобы предотвратить дальнейшее снижение уровня финансирования постсоветской науки и окончательное разрушение накопленного ею потенциала, вице-президент Российской академии естественных наук Г.Н. Фурсей предлагает правительствам стран СНГ подписать „Декларацию прав науки”, которая содержит, к примеру, следующие статьи:

„**Статья 2.** Знания являются достоянием нации, народа страны, всего человечества. Терять знания или способствовать их утрате преступно.

...**Статья 8.** Наука как основная движущая сила прогресса, эволюции, творческого роста человека имеет право на всестороннюю поддержку государства и общества. Обязанностью государств является сохранение и приумножение знаний.

...**Статья 17.** Ответственность за развитие, сохранение научных знаний, науки как таковой лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за состояние науки, за образование, целенаправленный поиск талантов и предоставление им благоприятной среды для развития и реализации идей, за преемственность передачи знаний от поколения к поколению, за сохранение научных школ во всех отраслях знания.

Статья 18. Самоокупаемость науки может быть декретирована только на той завершающей стадии, когда результат исследований непосредственно воплощается в товар (технология, устройство, средство производства и т.п.).

Принципиально: наука, в первую очередь фундаментальная, самоокупаема для общества *всегда*, так как на основании знаний, предоставляемых ею, намечается наиболее целесообразный путь в будущее, осуществляется оптимальный прогноз, конструирование, построение различного рода технических и технологических систем, развитие всех высоких технологий” [20].

Насколько актуальны для сохранения науки и научных школ в странах СНГ те правовые и морально-этические нормы, которые содержит вышеупомянутая „Декларация прав науки”, свидетельствует следующее образное сравнение: „Возрождение уничтоженных научных школ (вопреки распространенному убеждению: прикажем — и народятся, поддержим — и вперед вырвутся) почти так же невозможно, как возвращение к жизни вымерших видов животных или растений” [21]. Высказываемые порой в белорусской прессе соображения о том, что новейшие фундаментальные знания и технические ноу-хау дешевле купить за

рубежом, чем создавать их самостоятельно, не выдерживают серьезной критики. Ванневар Буш, бывший в свое время советником президента США по науке, писал об этом в 1945 году следующее: „Нация, зависящая от других при получении новых базовых научных знаний, столкнется с замедлением своего промышленного прогресса и ослабит свою конкурентную позицию в мировой торговле, независимо от наличия у нее навыков и умений механического характера” [22]. Кроме того, „если не поощрять собственную промышленность, а только закупать все за границей, никакого социального заказа науке никогда не будет” [23].

Таким образом, если у государства нет реальных возможностей обеспечить свою науку соответствующим объемом экономического (финансового) капитала, оно должно создать условия для самообеспечения науки посредством формирования различных видов капитала (интеллектуального, социального, человеческого, символического и др.) и их конвертации в финансовый капитал. Иными словами, „страна должна позаботиться о создании условий, в которых наука будет развиваться. А наука сама себя организует. Научить ее в этом смысле нельзя — это типично самоорганизующаяся система” [24]. Сложность, однако, заключается в том, что способы формирования перечисленных выше видов капитала до настоящего времени остаются малоизученными. Продemonстрируем это на примере социального капитала науки.

Как формируется социальный капитал науки?

Рассмотрение основных способов формирования социального капитала науки целесообразно начать с активно идущей в развитых странах мира **социализации новейших научных знаний**, т.е. использования их для решения повседневных проблем современного общества. При этом необходимо помнить, что „погружение наук в повседневность

ведет к их неизбежной гуманизации. Но у этого процесса есть оборотная сторона: „снижение” наук — и в смысле утраты привилегированной по отношению к обыденности позиции, и в смысле снижения уровня их мировоззренческого авторитета в обществе, и в смысле снижения уровня методологических стандартов. ...Образы научного знания теперь становятся в ряд с другими картинами повседневного бытия, и их обоснованность, доброкачественность, продуктивность должны быть доказаны во взаимодействии с другими представлениями повседневности” [25]. Однако сравнить образы научного знания с другими представлениями повседневности и доказать преимущества научных образов можно только в том случае, если имеется основа для таких сравнений, своего рода *tertium comparationis* (третье сравнительное). В качестве такой основы обычно выступает общий язык науки и иных форм общественного сознания (литературы, философии, религии, политики и др.). К сожалению, именно отсутствие у науки такого общего языка, при помощи которого она могла бы говорить с обществом, по мнению К.А. Тимирязева, является главной бедой науки: „Одна из причин, почему наука в наши дни не занимает того принадлежащего ей по праву места, почему те, кто нами правят, мало смыслят в ее методах и в том, чему она учит,— сводится к тому, что люди, посвятившие себя науке, за малым исключением, до того погрязли в своем жаргоне, что утратили способность выражаться ясно, просто и понятно для толпы” [26].

Иными словами, если у науки нет взаимопонятного языка для общения с обществом, то нет и возможностей для передачи обществу полученных ею новейших научных знаний. Между тем „смысл науки состоит не только в самом процессе познания, но и в передаче и распространении полученных знаний” [27]. Если с учетом этого предназначе-

ния науки взглянуть на язык объединяемых ею научных дисциплин, то нельзя не заметить, что в языке социогуманитарных дисциплин доля невербальных единиц специального характера (цифр, формул, схем, рисунков, графиков и т.п.) намного ниже, чем в языке естественнонаучных и технических дисциплин. Зато в сравнении с последними в языке социогуманитарных дисциплин намного выше доля общеупотребительной лексики, что делает этот язык более доступным для неспециалистов. По этой причине, считает французский социолог техники Б. Латур, „конечный источник просвещения всецело держится на хрупких плечах обществоведов, задача которых предоставить неопровержимое знание о любых феноменах общества, и не только о Боге (нет проблем?), но также о законах природы” [28]. Именно жизненная потребность в решении такого рода глобальных задач и стала в свое время причиной создания многих общественных наук: „Большинство общественных наук было изобретено в конце XIX века, когда после многих лет тяжелейших гражданских войн и революционной борьбы возникла потребность в упрощении политических процессов” [29].

Таким образом, сделать доступным для общества накопленное всей наукой знание по силам только обществоведам, численность которых, к примеру, в составе НАН Беларуси составляет в настоящее время менее 5% [30]. В силу своей малочисленности обществоведы занимают в структуре как академической, так и всей белорусской науки в целом периферийное положение, которое не позволяет им выполнить свою историческую миссию по а) формированию общего для всей науки и понятного для общества языка и б) проведению при помощи последнего всеобъемлющей социализации накопленных наукой знаний. Как пророчески писал о путях выхода общественных наук из этого „замкнутого круга” немецко-аме-

риканский философ О. Розеншток-Хюсси, „будущее интеллигенции: либо мы найдем общий язык, либо — общую гибель. Мы должны открыть единое основание для социального мышления. В противном случае массы обойдутся без нас, махнув рукой на нашу непостижимую разобщенность” [31]. Далее он пояснил эту мысль следующим образом: „Только когда представители социальных наук сумеют заключить мир с теологами и с представителями естественных наук, — с теми и другими одновременно, при этом сохраняя свою независимость, — тогда лишь наука об обществе обретет силу общественного убеждения. Преподаватели наук, не способные творчески установить мир между областями знания, не заслуживают доверия со стороны своих учеников” [32]. Применительно к теме данной статьи приведенное выше высказывание можно прокомментировать таким образом: успех в осуществлении полномасштабной социализации научных знаний зависит от того, удастся ли отечественным обществоведам повысить свой статус и расширить свое представительство в структуре национальной науки и белорусского общества в целом, а добиться такого изменения статуса и представительства общественных наук без согласия представителей естественных и технических наук, а также без согласия властных структур и носителей иных форм общественного сознания практически невозможно.

Суммируя вышесказанное, можно предположить, что к числу основных способов проведения полномасштабной социализации научных знаний, которая максимально способствует наращиванию социального капитала науки, относятся следующие: а) осуществление гуманизации и гуманитаризации науки и образования; б) выработка общего для науки и понятного для общества языка; в) повышение общенационального статуса гуманитарных и социальных наук, а также увеличение их

удельного веса в кадровом потенциале белорусской науки. В пользу того, что эти способы социализации науки тесно связаны между собой, свидетельствует следующее высказывание президента российской телекомпании „Цивилизация” Л.Н. Николаева: „...в чем суть нынешней просветительской деятельности? В том, чтобы оценивать научные события, опираясь на авторитеты, на историю исследования тех или иных вопросов. ...Нужно смотреть вокруг, искать связи, возникающие у открытия с „внеаучной” жизнью. ...Словом, вполне реально составить перечень тем, так или иначе волнующих публику, и работать с ними” [33]. Но изучением истории научных открытий, их связей с жизнью общества и интересами последнего как раз и занимаются гуманитарные и социальные науки.

Еще одним способом наращивания социального капитала науки является **популяризация научных достижений самими учеными**. Первоочередную скрипку в осуществлении такой популяризации полученных научных результатов играют, конечно же, сами ученые, поскольку, „как известно, наиболее доходчиво объясняет тот, кто сам свободно ориентируется в данной области” [34] знаний. Помимо ежегодно издаваемых многих сотен монографий и десятков тысяч научных статей, учеными Беларуси каждый год публикуется почти такое же количество учебников и учебных пособий, справочных и научно-популярных изданий, многие тысячи энциклопедических и научно-популярных статей, при помощи которых население нашей страны знакомится с новейшими научными результатами из различных областей знаний. В советский период подготовка и публикация такой научно-популярной литературы и периодики для населения Беларуси была организована лучше и имела определенную финансовую и организационную поддержку со стороны государства. Сегодня, в условиях рыночной экономики, выпуск такой науч-

но-популярной литературы и периодики фактически пущен на самотек, что самым негативным образом сказалось на сокращении тиражей научно-популярных книг и количества их названий. Тем не менее, и теперь, хотя и в меньшем количестве, появляются талантливо написанные научно-популярные книги [35], журнальные и газетные статьи о науке, исследователях и их достижениях (среди авторов подобных статей можно назвать имена таких известных белорусских ученых, как Р.Г. Гарецкий, Я.Л. Коломинский, Г.М. Лыч, А.И. Мальдис, А.Е. Михневич, В.И. Стражев и др.).

В настоящее время белорусскими учеными используются и другие каналы популяризации научных знаний. Одним из таких каналов является **лекционная работа среди населения**, которую отечественные ученые проводят по линии общества „Знание”. О прямой обязанности исследователей выступать перед населением с докладами и лекциями о новейших научных открытиях, проблемах и ходе их решения еще в 1878 году писал К.А. Тимирязев: „...наука не вправе уходить в свое святилище, таиться от толпы, требуя, чтобы на слово верили ее полезности. Представители науки, если они желают, чтобы она пользовалась сочувствием и поддержкой общества, не должны забывать, что они — слуги этого общества, что они должны от времени до времени выступать перед ним, как перед доверителем, которому они обязаны отчетом. Вот что мы сделали, должны они говорить обществу, вот что мы делаем, вот что нам предстоит сделать,— судите, насколько это полезно в настоящем, насколько подает надежды в будущем” [36]. Более того, в качестве своеобразного научного девиза К.А. Тимирязев избрал для себя следующие слова: „работать для науки и писать для народа, т.е. популярно (от *populus* — народ)” [37].

Во многом сходные мысли о необходимости активного участия представителей науки в осуществлении лекцион-

ной пропаганды научных знаний среди населения нашей страны сегодня высказывают и наиболее известные белорусские ученые. К примеру, почетный президент НАН Беларуси, академик Н.А. Борисевич считает, что „лекционная пропаганда — прямая обязанность ученого, я бы сказал, прямое продолжение его научной деятельности... Устная пропаганда выполняет роль одного из тех мостиков, которые связывают успехи в области фундаментальных наук с внедрением их достижений в народное хозяйство. Вот почему ученому-лектору нужно лучше и убедительнее раскрывать связь важнейших стратегических направлений в развитии наук с практическими задачами, всесторонне освещать роль фундаментальных и прикладных наук во всех сферах человеческой деятельности” [38]. В свою очередь академик И.И. Лиштван убежден в том, что „общественная работа в обществе „Знание” — это долг ученого. Ведь общество создали не политики, а ученые, и создали его для того, чтобы донести в доступной форме научную информацию до трудового народа” [39].

Еще одним каналом популяризации научных результатов выступают **научно-популярные радио- и телепередачи с участием ученых** („Хочу все знать”, „Бритва Оккама”, „Что? Где? Когда?” и др.). К сожалению, как уже не раз отмечалось в отечественной периодике, количество научно-популярных радио- и телепередач с участием известных белорусских ученых является весьма ограниченным и выходят они в эфир не в самое лучшее время (к примеру, телепередача „Бритва Оккама” показывается субботним утром в 6 часов 50 минут). Кроме того, отечественные научно-популярные телепередачи по своему содержанию и объему вещания не выдерживают конкуренции с зарубежными телепрограммами аналогичного типа („Discovery”, „National Geographic Channel”, „Animal Planet”, „Discovery Civilisation”, „Discovery Science”, „History” и др.), которые транслируются

в эфир круглосуточно и (в том числе) на русском языке. Между тем в названных зарубежных телепрограммах популяризируются в основном научные достижения западноевропейских и североамериканских ученых, что создает остроконкурентную информационную среду для сообщений о научных результатах белорусских ученых. Кроме того, еще более острую конкуренцию (причем со знаком минус) отечественным научно-популярным телепередачам составляют зарубежные научно-фантастические фильмы, которые буквально заполнили экраны наших телевизоров: „Эксплуатируя научно-техническую проблематику, всевозможные космические одиссеи, звездные войны, фильмы-катастрофы деформируют представления о сущности и подлинном назначении НТР” [40].

Наконец, изучение белорусской информационной среды показывает, что важным способом формирования социального капитала науки является также **популяризация новейших научных знаний представителями СМИ**. Можно смело утверждать, что имена регулярно пишущих о проблемах науки отечественных журналистов, таких как И. Емельянович, А. Мясников, Д. Патыко, В. Хилькевич, Г. Чигирь, А. Юрин и др., хорошо известны научному сообществу Беларуси. К сожалению, далеко не все представители белорусских СМИ так же хорошо знают реалии национальной науки, как их коллеги, названные выше. Отдельные отечественные журналисты порой не отличают государственные научные организации от растущих, как грибы после дождя, общественных академий, ассоциаций, институтов, центров, фондов и т.п. околonaучных структур, а также настоящих исследователей от подвизающихся на ниве отечественной науки „ученых с большой дороги”, которых привлекает не сам научный труд и радость познания, а громкие „научные” титулы и возможность получения „легких денег” по всевозможным „инновационным” проектам. Присво-

енные этим лжеученым титулы академиком, профессором или доктором наук многочисленных общественных академий и институтов „часто вводят в заблуждение людей, не разбирающихся в науке, в частности, представителей СМИ, что создает в обществе искаженный образ нашей науки и наносит ей вред, поскольку от ее имени часто подвизаются люди, не имеющие к ней отношения” [41].

Главный недостаток образа науки, формируемого в общественном сознании под сильным влиянием СМИ, состоит в том, что этот образ весьма „противоречив: с одной стороны, наука — оплот настоящего и надежда на будущее, с другой — она несет опасности: призраки Хиросимы и Чернобыля бродят по миру” [42]. В отличие от журналистов ученые считают, что наука не несет ответственности за то, как используются обществом и государством полученные ею знания: „Говоря о знании,— пишет ректор МГУ академик В.А. Садовничий,— следует отделять вопрос об использовании знания. Общеизвестны примеры, связанные с созданием и применением ядерного, химического, биологического оружия. Это примеры аморального использования научного знания. Но немало примеров прямо противоположного характера. Для того, чтобы обеспечить людей едой, нужно увеличивать производство продовольствия на 2% ежегодно. Обычными методами этого не сделать, поэтому сегодня и ведутся интенсивные работы в области геномной и хромосомной инженерии. Только здесь есть ключ к решению” [43].

Представителями „четвертой власти” допускаются и иные ошибки в процессе освещения деятельности института науки. В частности, „средствами массовой информации формируется образ науки не как целостной системы знаний, которая постоянно расширяет границы видения окружающего мира и природы, а как сферы деятельности, в одних об-

ластях которой наблюдается прогресс, а в других — не происходит никаких событий, значимых как для общества, так и для самой науки. В результате состояние не представленных в СМИ областей науки оценивается массовым сознанием как состояние стагнации или регресса” [44]. Необходимо также сказать о том, что „журналистская погоня за сенсациями и эффектным материалом способствует продвижению лженауки, в то время как о чем-то действительно важном пишут вяло, серо и непрофессионально. Представители же науки, приобретя горький опыт, избегают контактов с журналистами, отказывают в предоставлении информации даже через свои пресс-службы” [45].

Чтобы избежать подобных ошибок при формировании объективного образа науки в общественном сознании, „нужна совместная работа ученых, средств массовой информации по пропаганде научных знаний... Пропаганда знаний должна строиться на высоком теоретическом уровне с широким привлечением академических ученых” [46]. Пример такой совместной работы ученых и представителей СМИ подают наиболее развитые страны мира: „В Европе и США, в отличие от нашей страны, очень сильна связь науки с обществом, а значит, со средствами массовой информации: ученые знают, что без поддержки общества они не смогут воплощать свои идеи в жизнь. Ведь судьба их исследований зависит от финансирования не только из федерального бюджета, но и из местного, а также от частных вложений. А потому получить, а точнее, заработать деньги на проведение научной работы можно, лишь убедив общество, что данное исследование необходимо людям, а его автор уже добился сколько-нибудь значительных результатов... Поэтому немаловажной частью своей работы ученые считают информирование общества через прессу, радио и телевидение о своих даже самых небольших достижениях. Обще-

ство же в ответ на открытость ученых платит им уважением и финансовыми вложениями” [47].

Таким образом, к числу основных способов проведения многоаспектной популяризации научных знаний, способствующей наращиванию социального капитала науки, можно отнести следующие: а) активизация всех форм участия ученых в пропаганде научных достижений (публикация научно-популярных работ в белорусских издательствах и СМИ, проведение лекционной работы среди населения Беларуси, выступления на радио и телевидении); б) налаживание устойчивых творческих связей ученых с представителями СМИ для совместной работы по пропаганде научных знаний; в) использование Дней белорусской науки и юбилеев отдельных научных организаций и вузов республики для ознакомления широкой общественности с достижениями отечественных ученых, их планами, прогнозами, проблемами и т.п.

Большой вклад в наращивание социального капитала науки может внести также **укрепление внутреннего единства научного сообщества Республики Беларусь**. Такое единство может быть достигнуто при помощи следующих способов формирования социального капитала науки:

а) путем устранения межгрупповых конфликтов белорусских ученых и попыток сепаратного выживания представителей различных областей научных знаний за счет госбюджетного финансирования, отбираемого под благовидными предложениями у представителей других областей научных знаний. К примеру, специалист по информационным технологиям В. Шкель не считает для себя зазорным публично высказывать требование „тратить финансовые средства на научные исследования не по сельскохозяйственной тематике (в том, что это так, можно убедиться, посмотрев отчет НАН Беларуси за 2005 г.), а на нанотехнологии, физику плазмы и твердого тела,

микроэлектронику, лазеры, разработку программного обеспечения, генную инженерию, биотехнологии” [48]. Перечень таких публичных заявлений отдельных ученых, подрывающих внутреннее единство научного сообщества Беларуси, можно цитировать очень долго. Закономерным итогом подобных попыток „перетаскивания одеяла” между представителями различных наук стала очевидная разобщенность белорусских ученых. К примеру, Л.М. Крюков пишет о современном состоянии научного сообщества Беларуси следующее: „Сегодня научное сообщество атомизировано, разрознено по профессиональным, идеологическим, политическим мотивам. В таком аморфном состоянии оно не может играть роль интеллектуального ядра гражданского общества страны” [49];

б) путем развития и совершенствования научной этики (через создание моральных кодексов ученых и комиссий по этике для отдельных научных дисциплин; через устранение случаев нарушения научной этики и др.). Общеизвестно, что „для науки очень важна атмосфера, климат, в котором она существует. Климат этот во многом зависит от внешних воздействий, но есть и внутренняя сила, его формирующая. Это научная этика — профессиональный кодекс чести ученого. Научная этика образует как бы силовое поле, в котором живет наука, регулируя в той или иной степени все поведение научного работника — его отношение к работе (внутренняя честность при проведении исследования, трудолюбие и пр.), к своим коллегам (дружелюбие, терпимость и, в то же время, честное выражение своего мнения), правила публикации, ссылок на чужие работы и т.п.” [50]. Поступки отдельных ученых (плагиат, научные приписки, фальсификации научных результатов, нецелевое использование выделенных на науку госбюджетных средств и т.п.), нарушающие правила научной этики и нормы белорусского законодательства, вы-

зывают открытое осуждение со стороны научного сообщества Беларуси, но, тем не менее, они иногда случаются и тем самым подрывают авторитет отечественной науки в обществе, способствуя сокращению величины социального капитала науки;

в) путем отказа белорусских ученых от использования в своих работах заведомо низких самооценок. Дело в том, что „один из постулатов PR-технологий гласит: „рейтинги делают рейтинги”, а значит, антирейтинги порождают антирейтинги, тем более, если сами ученые дают себе низкую оценку” [51]. В частности, изучение содержания только одного отчета о НИР, подготовленного группой белорусских гуманитариев, позволило выявить следующие антирейтинговые самооценки: „Заторможенная мотивация к шевелению мозгами и руками? ...Как говорится, решительный шаг вперед — следствие хорошего пинка сзади” [52]; „Наиболее „продвинутые” из них (ученых.— В.Щ.) понимают, что все совершенное есть не более чем некоторое количество вторичного сырья (макулатуры)” [53]; „Конформизм „возвышается” вместе с возвышением ученой степени” [54]; „Типичный белорусский ученый является крупным специалистом, который по отношению к западному заказчику выполняет роль низкооплачиваемого наемного работника” [55] и др.

В последнее время российская научная интеллигенция широко практикует и такой способ формирования социального капитала науки, как **размежевание ученых с государственной бюрократией при распределении ответственности за бедственное положение науки** в России. К примеру, российский экономист С.А. Магарил пишет об этом следующее: „Сегодня в среде интеллигенции отчетливо выражено стремление размежеваться с государственной бюрократией как социальной группой, представляющей власть и несущей основную ответственность за формирование амо-

ральной социальной обыденности” [56]. В процессе применения данного способа увеличения социального капитала науки осуществляются следующие меры:

а) осуждаются попытки „хождения во власть”, предпринимаемые отдельными учеными, а также иные проявления сциентизма. Даже со стороны бывших представителей властных структур высказывается осуждение попыток смешения науки и политики. Вот что, к примеру, говорит о таких попытках бывший сотрудник отдела науки и учебных заведений аппарата ЦК КПСС В.М. Иванов: „Наука не может быть объединена с политикой. И когда история превращается в политику, опрокинутую в прошлое, то это уже бред сивой кобылы, а не история. ...это подло, я бы сказал, политизировать науку. Наука выше политики” [57]. Кстати, ведущие ученые наиболее развитых в научном отношении стран мира давно осознали ту скрытую угрозу, которую представляют для науки карьеристские и сциентистские настроения отдельных представителей научного сообщества. В частности, известный американский социолог Пауль Лазарсфельд „был убежден в необходимости обеспечить независимость интеллектуальной работы от вмешательства извне и в своем президентском послании Американской социологической ассоциации с тревогой говорил о формировании административного истеблишмента в науке, который в глазах профессионалов не заслуживает даже презрения, но тем не менее держит в своих руках организационные структуры” [58];

б) высказывается неодобрение попыткам обслуживания представителей бизнеса и власти учеными (написание ими диссертаций, монографий и иных научных работ для отдельных представителей властных и деловых структур; создание задним числом „научного” обоснования под ранее принятые административные и деловые решения; подгонка статистиче-

ских данных под установки, „спущенные сверху”, и т.п.). Как справедливо заметил по этому поводу президент НАН Украины, академик Б.Е. Патон, „для настоящей науки недопустимо обслуживание сиюминутных интересов государственных деятелей или политиков” [59]. К сожалению, неразрывно связанный с рыночной экономикой процесс коммерциализации знаний активно способствует формированию спроса на такие околонаучные услуги. Как итог, в российской сфере подготовки кадров высшей научной квалификации „сложилась ситуация, когда за деньги кандидатом или профессором может стать каждый желающий. По данным ВАК, в 1997—1999 гг. число докторских диссертаций, защищенных в возрасте до 35 лет, увеличилось на 17%. Но эти „пытливые умы” — не в науке, а в бизнесе и во властных структурах. Происходит размывание понятия „научное сообщество”, о котором нередко судят по остепененным, но к науке отношения не имеющим „специалистам” [60];

в) нередкими являются случаи отказа ученых от выполнения хорошо профинансированных, но сомнительных с точки зрения научной этики социальных заказов, позорящих науку. В частности, сравнивая условия выделения денежных грантов зарубежными фондами и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), академик В.Л. Макаров делает следующий вывод: „Западные организации дают большие деньги на совершенно конкретные исследования, причем часто с заданной целью. То есть имеет место ангажированность, ничего общего не имеющая с настоящей научной объективностью. В РГНФ абсурдна сама постановка вопроса такого типа. Мы не выделяем гранты для доказательства, что приватизированные предприятия работают лучше государственных или наоборот. Результаты исследования полностью на совести грантодержателя” [61]. Такое поведение весьма небогатых российских ученых трудно понять зарубежному заказчику, который не знаком с системой

ценностей, сложившейся еще в рамках былой советской науки: „Научный работник работает не за деньги и не по указанию начальства. Он занимается своим делом, потому что это — его дело, его профессия и призвание. Он будет заниматься им независимо от своего служебного положения. Цель его — получить результаты, значимые в его глазах и в глазах его коллег. Это не значит, конечно, что ему не нужны деньги — он нормальный человек, может волновать его и внешний успех — известность и карьера. Но по гамбургскому счету он оценивает себя и своих коллег в зависимости от полученных научных результатов” [50];

г) настойчиво проводится разъяснительная работа с представителями властных структур относительно того, что наука должна иметь определенную степень независимости при решении своих ключевых вопросов (о приоритетах научных исследований, об удельном весе фундаментальных и прикладных исследований и др.). В частности, один из руководителей российской науки, директор Физического института РАН, академик Г. Месяц считает, что „у взаимоотношений власти и науки есть некий предел, который нельзя перешагивать. Если ты занимаешься фундаментальной работой, а тебе говорят, что следует вести прикладные исследования, то тут компромисса быть не может” [62]. Такая бескомпромиссная позиция вице-президента РАН является полностью обоснованной, поскольку из научной практики последнего десятилетия можно привести сколько угодно примеров того, как академический ученый „попытался придать своим фундаментальным исследованиям характер инженерных приложений и потерял старые навыки, не приобретя новых, т.е. деградировал прямо на рабочем месте” [63].

Кроме того, многовековая история мировой науки накопила достаточно большой арсенал аргументов в пользу вывода о жизненной необходимости опережающего развития фундаментальной науки

по сравнению с прикладной. Один из таких аргументов приводится, к примеру, в многократно переиздававшейся книге К.А. Тимирязева „Жизнь растения”: „...прикладное направление, характеризующее младенчество науки, не может, не должно быть ее целью. По мере развития чистой науки приложения являются сами собой. Развитие науки может определяться только внутренней логикой фактов, а не внешним давлением потребностей. Научная мысль, как и всякая мысль, может работать только под условием полной свободы. Стесненное гнетом утилитарных требований, научное творчество может давать только такие же искусственные и жалкие произведения, как искусственны и жалки произведения художественного творчества, возникающие при подобных условиях, как искусственны и жалки всякие оды и кантаты, написанные на случай и по заказу. Можно перерыть архивы любой науки, и вряд ли в них найдется смелая мысль, блестящее обобщение, сделанное с целью и ввиду их приложения, и, наоборот, история полна примерами открытий, стоявших, по-видимому, в стороне от всякой практической цели и сделавшихся источником бесчисленных приложений” [64].

Одно из таких не обусловленных практическими целями фундаментальных открытий, которые, тем не менее, имели революционизирующий эффект для развития техники, называет польский логик Ян Лукасевич: „Много научных истин вызвала к жизни жизненная необходимость. Однако более пользы, даже практической, принесло человечеству незаинтересованное культивирование знаний. Исследуя поведение катушки из провода в магнитном поле, Фарадей вообще не думал, что его исследования могут стать чем-то большим, чем удовлетворение теоретического интереса. Он открыл явление электромагнитной индукции. Использованию этого открытия мы сегодня обязаны мощными электростанциями, которые дают нам электрический свет,

двигают моторы и трамваи, переносят силу на расстояние. Приземлено думают о науке те, кто рад бы из нее сделать служанку в повседневной жизни” [65].

Более того, японский ученый Д. Икеда считает, что при решении сугубо научных вопросов „чрезмерное возрастание роли политики может привести нас к трагическим последствиям. История это доказывает тем, что было при фашистской власти в Германии, при милитаризованной власти с императорским правлением в Японии, а также в сталинское время, когда агроном Т.Д. Лысенко нанес непоправимый ущерб народному хозяйству и науке. По моему убеждению, политикам не следует думать, что в их власти контролировать и направлять науку и сферы внеаучного знания” [66]. Кстати, именно изучение трагической судьбы отечественной генетики позволило советским ученым еще в начале 1960-х годов сделать основополагающий вывод о том, что „попытки насилловать науку в тщетной надежде добиться сразу же практических успехов приводят к краху и теории, и практики” [67].

Для сравнения: уровень доверия власти и общества к предлагаемым наукой решениям существующих проблем не всегда был высоким даже в такой демократической стране, как Великобритания. Об этом можно судить по ряду высказываний из выступления премьер-

министра Великобритании Тони Блэра в 2002 году: „Нам нужны более эффективные, надежные и ясные способы общения между наукой и обществом. Опасность заключается в незнании точек зрения друг друга; понимание этих точек зрения дает нам решения. ...Нам необходимо восстановить доверие к тем способам, которыми наука может указать нам новые возможности и предложить новые решения. Эту задачу будет легче выполнить, если нам удастся укоренить в нашем обществе более зрелое отношение к науке” [68].

Завершая рассмотрение механизмов формирования социального капитала науки, хотелось бы особо подчеркнуть следующее: наращивание социального капитала белорусской науки является не только важнейшим условием ее сохранения и дальнейшего развития, но и ключевым фактором в процессе построения в нашей стране экономики знаний. Для этого типа экономики „важно, чтобы все большая часть знаний, которыми в процессе хозяйственной деятельности обмениваются между собой люди, а затем применяют в процессе труда, приобретала научный характер” [69]. Сделать это можно, используя те же механизмы распространения в обществе научных знаний, которые способствуют наращиванию социального капитала науки.

1. *Особенности трансформации социального капитала науки в странах с переходной экономикой* / А. Попович, В. Прокошин, В. Щербин, А. Дикусар // Общество, основанное на знаниях: новые вызовы науке и ученым: Материалы междунар. конф. (Киев, 23—27 ноября 2005 г.).— К.: Феникс, 2006.— С. 226—234.

2. *Данилов А.Н., Щербин В.К.* Социокультурное значение деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований // Первопроходец белорусского конкурсного финансирования науки (БРФФИ: 1991—2006) / Под общ. ред. В.А. Орловича.— Мн.: Белорусская наука, 2007.— С. 339—343.

3. *Щербин В.К.* Без наращивания социального капитала науки экономики знаний в Беларуси не построить // Проблемы теории и практики формирования белорусской экономической модели (к 120-летию со дня рождения В.В. Куйбышева): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.— Мн.: Право и экономика, 2008.— С. 159—161.

4. *Щербин В.К.* Социальный капитал науки среди сопредельных понятий // Социология.— 2008.— № 1.— С. 35—42.

5. Там же.— С. 41.

6. *Велихов Е.П., Бетелин В.Б.* Промышленность, инновации, образование и наука в Российской Федерации // Вестн. Российской академии наук.— 2008.— Т. 78, № 6.— С. 501.

7. *Авдулов А.Н.* Отношение американцев и граждан других стран к науке, технологии и новым направлениям их развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Наукоедение: РЖ.— 2007.— № 3.— С. 7.
8. *Марахина И.В.* Критерии и модель интеллектуальной организации // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3.— 2008.— № 1.— С. 77.
9. *Чечет В.В.* Национальная система образования Республики Беларусь на современном этапе // Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т.— Т. 1.— Мн.: БелЭн, 2005.— С. 816.
10. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв /Пер. с англ.— М.: ООО „Изд-во АСТ”: ЗАО НПП „Ермак”, 2004.— С. 281.
11. *Научные кадры Республики Беларусь (социологический анализ) /*Под общ. ред. Г.М. Евелькина.— Мн.: Белорусская наука, 2007.— С. 93.
12. *Шавель С.А.* Социальный капитал как источник инновационного развития // Социология.— 2008.— № 1.— С. 33.
13. Там же.
14. *Чулаки М., Барабанов В.* Защита Маркса, или как вернуться к незамутненному истоку // Литературная газета.— 1990.— 30 мая.— С. 11.
15. *Попович А.С.* Приоритет научного открытия как историко-наукоеведческая проблема // Наукоедение.— 2003.— № 1.— С. 179.
16. *О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2007 года: Аналитический доклад.*— Мн.: ГУ „БелИСА”, 2008.— С. 264.
17. Там же.— С. 52.
18. *Nicolai P.* Creating Social Capital in Russia: The Novgorod Model // World Development.— 2001.— № 2.— Р. 229.
19. *Шкель В.* Инновационный старт на „голодный желудок” // Директор.— 2006.— № 12.— С. 13.
20. *Фурсей Г.Н.* Декларация прав науки. Постановка проблемы // Живая этика и наука: Материалы Междунар. науч.-обществ. конф.— М.: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Баик, 2008.— С. 70—72.
21. *Магаршак Ю.* Тоталитарная наука // Знание — сила.— 2007.— № 6.— С. 62.
22. *Bush V.* Science: The Endless Frontier.— Washington, 1945.— Р. 14.
23. *Каница С.* Выступление на „круглом столе” „Российская наука в следующем тысячелетии: выбор миссии” // НГ-Наука.— 1999.— 20 окт.— С. 13.
24. Там же.
25. *Кемеров В.Е.* Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии.— 2008.— № 10.— С. 31.
26. *Тимирязев К.А.* Предисловие к девятому изданию // Тимирязев К.А. Жизнь растения: Десять общедоступных лекций.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.— С. 16.
27. *Ивушкина Е.Б., Резабек Е.Я.* Философия и история науки.— СПб.: Алетейя, 2006.— С. 6.
28. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад „исследований науки” в общественные науки // Социология вещей. Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна.— М.: Издательский дом „Территория будущего”, 2006.— С. 346.
29. Там же.— С. 355.
30. *Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2007 году.*— Мн.: Белорусская наука, 2008.— С. 223—230.
31. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность /Пер. с англ.— М.: Лабиринт, 1994.— С. 13.
32. Там же.— С. 42.
33. *Соблазнение знанием (Беседа О. Балла с Л.Н. Николаевым) // Знание — сила.— 2009.— № 1.— С. 24—25.*
34. *Морозова Ю.* Энциклопедии // У книжной полки.— 2007.— № 3.— С. 41.
35. См., например: Ляўкоў Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны.— Мн.: Навука і тэхніка, 1992.— 213 с.; Норман Б.Ю. Игра на гранях языка.— М.: Флинта: Наука, 2006.— 344 с.; Иоффе Э.Г., Мазец Ж.Э. Нобелевские лауреаты с белорусскими корнями.— Мн.: Беларусь, 2008.— 159 с.
36. *Тимирязев К.А.* Жизнь растения: Десять общедоступных лекций.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.— С. 24.
37. *Тимирязев К.А.* Наука и демократия: Сб. статей 1904—1919 гг.— М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963.— С. 11.
38. *Борисевич Н.А.* // Слово лектора.— 1983.— № 9.— С. 18.
39. *Слово лектору: Лиштван Иван Иванович // Соединяя знания и труд: к 60-летию Белорусского общества „Знание” /* Сост. В.С. Ландер.— Мн.: Издательский центр БГУ, 2007.— С. 64—65.
40. *Маньковская Н.* Искусство и/или НТР? // Переутья и тупики буржуазной культуры / Сост. Н.Н. Сибиряков и Н.Е. Покровский.— М.: Искусство, 1986.— С. 114—135.
41. *Юревич А.* Институционализация мошенничества. Сейчас практически любой человек может создать собственную академию, чтобы практически автоматически стать ее президентом // Независимая газета.— 2005.— 9 ноября.— С. 10.

42. Порус В.Н. У края культуры (философские очерки).— М.: Канон+: Реабилитация, 2008.— С. 257.
43. Икеда Д., Садовничий В.А. Рубежи веков: диалоги об образовании и воспитании // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / Под общ. ред. В.Л. Шульца.— М.: Наука, 2007.— С. 18.
44. Шматко М.В. Образ науки в современных российских средствах массовой информации // Эпистемология и философия науки.— 2008.— Т. 16, № 2.— С. 179.
45. Данилевич Я.Б., Коваленко С.А. Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Вестн. Российской академии наук.— 2005.— Т. 75, № 1.— С. 35.
46. Предисловие // Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов.— М., 2001.— С. 13—14.
47. Рябова Е. Наука дружбы нежной. Российские ученые не понимают выгоды общения с журналистами // Россия.— 1995.— № 18.— С. 26.
48. Шкель В. Инновационный старт на „голодный желудок” // Директор.— 2006.— № 12.— С. 14.
49. Крюков Л.М. Институциональное обеспечение инновационного развития экономики Беларуси: проблемы и пути их решения // Белорусский экономический журнал.— 2007.— № 3.— С. 22.
50. Борщев В.Б., Шрейдер Ю.А. Нужно ли управлять наукой? (Неопубликованная статья 1987 г.) // НТИ. Сер. 2.— 2008.— № 10.— С. 3.
51. Данилевич Я.Б., Коваленко С.А. Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Вестн. Российской академии наук.— 2005.— Т. 75, № 1.— С. 35.
52. Отчет о НИР „Разработка методики и оценка социально-психологических факторов эффективности инновационной деятельности организаций НАН Беларуси” (На правах рукописи).— Мн., 2006.— С. 12.
53. Там же.— С. 28.
54. Там же.— С. 56.
55. Там же.— С. 63.
56. Магарил С.А. Интеллигенция и будущее России // Социально-гуманитарные знания.— 2003.— № 4.— С. 25.
57. Митрохин Н., Иванов В.М. „Это подло — политизировать науку”: Беседа Николая Митрохина с Всеволодом Михайловичем Ивановым // Неприкосновенный запас.— 2007.— № 5.— С. 15.
58. Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарфельда (введение в научную биографию) // Вестн. АН СССР.— 1990.— № 8.— С. 106—107.
59. Патон Б.Е. „Науке наших стран наносится трудновосполнимый урон” // Навіны Акадэміі навук Беларусі.— 1993.— № 49.— С. 1.
60. Данилевич Я.Б., Коваленко С.А. Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Вестн. Российской академии наук.— 2005.— Т. 75, № 1.— С. 34.
61. Макаров В.Л. Индивидуальное и коллективное в исследовании переходной экономики // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда.— 1996.— № 2.— С. 14.
62. Наука дороже нефти. В этом уверен академик Геннадий Месяц, директор Физического института РАН, но так не считает наше правительство (Интервью у Г. Месяца взял Владимир Губарев) // Трибуна.— 2005.— 9 дек.— С. 3.
63. Егоров С. Выступление на „круглом столе” „Российская наука в следующем тысячелетии: выбор миссии” // НГ-Наука.— 1999.— 20 окт.— С. 13.
64. Тимирязев К.А. Жизнь растения: Десять общедоступных лекций.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.— С. 23—24.
65. Лукасевич Я. О науке / Пер. с польск. // Логос.— 1999.— № 7.— С. 110.
66. Икеда Д., Садовничий В.А. Рубежи веков: диалоги об образовании и воспитании // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / Под общ. ред. В.Л. Шульца.— М.: Наука, 2007.— С. 23.
67. Ивич А. Поэзия науки: О литературе научно-популярной и научно-художественной.— М.: Книга, 1967.— С. 46.
68. О значимости науки. Речь премьер-министра Великобритании Тони Блэра в Королевском обществе Великобритании 23 мая 2002 г. (пер. с англ.) // Вестн. РФФИ.— 2002.— № 4.— С. 87—88.
69. Логачев В.А., Жернов Е.Е. Знание в новейших теориях фирмы // ЭКО.— 2007.— № 9.— С. 133.

Получено 09.03.2009

В.К. Щербін

Соціальний капітал білоруської науки та механізми його нарощування

Розглядаються механізми нарощування соціального капіталу білоруської науки. Аналізуються джерела і способи його формування. Зроблено висновок, що без нарощування соціального капіталу білоруської науки її подальший розвиток є проблематичним.